

Роберт Уоррен

Свои люди

«Public Domain»

Уоррен Р. П.

Свои люди / Р. П. Уоррен — «Public Domain»,

В книгу включены лучшие из рассказов Уоррена – весьма разнообразные, но всегда окрашенные глубоким психологизмом и тонкой иронией.

Роберт Пен Уоррен

Свои люди

Он бездумно глядел на высокий серый потолок в давних пятнах сырости, до сих пор погруженный в сумрак, хотя яркие солнечные лучи уже всю рвались в комнату сквозь про-свет между синими шторами. Маленькие блестящие листья заглядывали в щель, поглаживая оконное стекло.

– Вставай, – без особого дружелюбия произнес рядом голос.

– Голова, – пожаловался он, продолжая глядеть в потолок. Одинокая вялая муха уселась на серую штукатурку прямо над ним, на неё он и смотрел.

– Вчера вечером ты утверждал, что это лучшая кукурузная водка, какую нам довелось пить.

– Неужели? – Он откинул одеяло и спустил ноги на пол, но сам остался лежать, глядя в потолок. – Значит, я ошибся. И сегодня воскресенье.

– Раз я теперь готовлю сама, – сказал голос, – придется тебе помогать.

– Помогу, – сказал он и встал. Постоял в центре большой комнаты, беспомощно оглядел спальню и, не найдя того, что искал, стянул пижаму. Он был невысокий, но плотный. Красно-ватый шрам пересекал по диагонали мягкий живот со следом резинки от пижамных штанов и терялся в черных курчавых волосах. Он задумчиво провел указательным пальцем по шраму.

– Шов вроде стал получше. По крайней мере, уже не так похож на след дешевой синей копирки.

– Шов-то, может, получше, – на кровати завопились, – а вот брюшко намечается. Смотри, обзаведешься пузом – можешь собирать вещи. Никаких животов в моем доме.

– Это потому что мышцы ещё не завязались, – сказал он, дотрагиваясь до шрама. – Никакой в тебе жалости. – Он подошел к гардеробу и осмотрел себя в зеркале. – Я запросто от него избавлюсь, – сказал он, хлопая по животу.

– Самое простое средство от живота – это докопать в саду то, что начал.

– Сегодня мне не до того. Мне платят в «Адвокате» за то, чтобы я перемывал косточки политикам и выбалтывал сплетни, а не за то, чтобы я махал лопатой. Копать для меня непозволительная роскошь.

– Часок мог бы и покопать, – сказала она.

– Ты только посмотри на мои глаза. – Он наклонился к зеркалу. – Сразу видно, что у меня болит голова.

– Покопавшись – и голова пройдет.

Он нашел в углу большого орехового гардероба пару вельветовых штанов и фуфайку, оделся. С минуту разглядывал ворох постельного белья, из которого выпростались на подушку пряди светлых волос.

– А ты вставать не собираешься? – спросил он. – Я бы не прочь позавтракать.

– Разожги плиту.

Он неторопливо огляделся, стоя посреди комнаты, потом опустился на колени и заглянул под кровать. Случайно дотронулся до голубого платья, которое валялось у кровати, и поднял его. Под ним оказались домашние тапочки.

– Ты мои тапочки накрыла, – сказал он, протягивая ей большой волосатой рукой небесно-голубое платье. – Вечно пилишь меня, когда я вещи не вешаю, а сама на пол бросаешь. На мои тапочки.

– Хм, – сказал голос, – а кто виноват, что я его вчера ночью сбросила?

– Хм, – сказал он, сунул ноги в тапочки и вышел из комнаты.

Когда он вернулся из сада с пучком свежих, влажных листьев салата, она стояла у плиты и бросала на сковороду ломтики ветчины. На ней было зеленое хлопчатобумажное платье. Нечесанные волосы, желтые в свете солнечных лучей, врывающихся в окна кухни, беспорядочно рассыпались по жесткой после крахмала зеленой ткани. На босых ногах – грязные полуботинки из оленьей кожи, за которыми волочились развязанные шнурки. Он нагнулся над раковиной, перемыл один за другим листья и разложил на полотенце сохнуть. Она немного посто-яла рядом, наблюдая, – худая, даже тощая, ростом почти с него; потом обернулась к плите, держа в руке миску с яйцами.

Когда все было готово, они разложили еду на блюда и отнесли в столовую; из открытых окон лилось яркое солнце, освещая полнейший разгром. Стулья разбросались по всей комнате, один валялся на боку. На тарелках сохли остатки сэндвичей с анчоусами, над ними без особого интереса жужжала муха. Стаканы всех форм и размеров загромождали буфет, каминную полку и шероховатую каменную плиту перед погасшим камином.

– О боже! – выдохнула она, держа в руке блюдо с ветчиной. – Господи, и зачем только люди устраивают вечеринки?

Нервными, угловатыми движениями она опустила блюдо, отодвинула с одного края стола грязную посуду и поставила две тарелки.

Она ела с жадностью, он – медленно, с вялой неохотой. Во время еды она то и дело окидывала комнату обиженным, возмущенным взглядом.

– Больше никаких вечеринок, – наконец произнесла она.

– Я только за, – сказал он.

– Такой бардак наутро.

Он посмотрел вокруг с некоторым удивлением.

– Можно каких-нибудь новых друзей завести. Каких-нибудь благородных леди и джентльменов, которые, хоть и пьют, не станут устраивать бардак. Я мог бы дать объявление в «Адвокат».

– Друг, который мне сегодня нужен, – сказала она, свирепо взглянув на вчерашний сэндвич с анчоусами, – это Виола. Боже, ну почему ей приспичило срываться и бросать нас именно сейчас?

– Если у негра портится характер, то это безнадежно. Я тебя предупреждал.

– Наверное, ты прав. Мне осточертели наши с ней любовные размолвки.

– Через неделю она захочет вернуться, – сказал он. Потом, критически оглядывая комнату, добавил: – И ты примешь её с распростертыми объятиями.

– Я ей сказала: если она уйдет, это будет последний раз.

– Не надо было тащить её сюда из Алабамы, – угрюмо сказал он. – Я ведь и тогда тебе говорил.

Он встал из-за стола и подошел к камину. Среди стаканов на каминной полке отыскал трубку и поджег наполовину сгоревший остаток табака. Дым, выпущенный из короткого, мясисто-го носа, пошел кружить в луче солнца.

Она мрачно взглянула на него.

– Я не встречала негрятки чистоплотней, – сказала она с упреком. – Еще в детстве она отказывалась сидеть на земле, как остальные негрятинские дети, и садилась на тарелку.

– В Алабаме она была на своем месте, но в Теннесси она гроша ломаного не стоит. Пусть возвращается в Алабаму и сидит на тарелке.

– Она и собирается домой. Она не может остаться, эта наглая жена Джейка драла с неё по девять долларов в неделю за стол и постель, пока нас не было, а больше ей жить негде. Девять долларов, когда мы платим ей шесть! Господи, я просто в ярость пришла. Так и сказала мальчишке-молочнику, что я в ярости, чтобы он передал это жене Джейка.

– На мне-то зачем зло срывать, – сказал он, глядя, как нервно забегали её пальцы и разгорелись щеки. – Можно подумать, ты на меня злишься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.